

УДК 94(470)“1812”(093.3) + 821.161.1-14 + 159.923.2

Л. А. Ходанен

ПОЭТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ ВОЙНЫ 1812 г. В РУССКОЙ ЛИРИКЕ 1-й трети XIX в.

Анализируются библейские и классические мифологические коды, входившие в художественный строй русской поэзии, посвященной Отечественной войне 1812 г., и сформированные в процессе обращения к национальным и общекультурным ценностям.

Ключевые слова: война 1812 г.; русская лирика; поэтическая мифология; национальное самосознание.

Патриотическое одушевление, вызванное наполеоновским нашествием, сражениями, победами и заграничным походом русской армии актуализировало в отечественной литературе героическую тему. Наиболее динамичной формой отзыва на духовное состояние личности и общества в такие эпохи всегда оставалась лирика. Разбуженными к героике оказались не только зрелые поэты разных художественно-эстетических направлений — Г. Р. Державин, М. В. Милонов, С. Н. Марин, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка и многие другие поэты старшего поколения, но и менее известные к этому времени молодые авторы, офицеры, участники войны — Д. И. Давыдов, В. Ф. Раевский, К. Ф. Рылеев, и совсем юные лицеисты, среди которых — А. С. Пушкин, А. А. Дельвиг. В этой постепенно возникавшей большой поэтической антологии, посвященной событиям войны и юбилейным торжествам в честь победы над Наполеоном, представлена целая система возрожденных жанров «высокой» поэзии XVIII в.: оды, кантаты, гимны, героические послания, поэмы [см.: Фоменко]. Параллельно с ними значительную часть составили лирические произведения, жанровая поэтика и стилевая форма которых были связаны с романтизмом. Комплекс военно-героических мотивов осваивался романтиками в элегиях, дружеских посланиях, философских медитациях. В военной антологии была и народно-поэтическая страница. «Авангардные песни» Ф. Н. Глинки, басни И. А. Крылова, «Бородино» М. Ю. Лермонтова содержат узнаваемые образы, символы, ритмы фольклора, с ними соседствует и коллективное творчество — солдатские песни, созданные на войне, в которых представлен народный образ героики.

Мифопоэтика образов и мотивов войны 1812 г. формировалась в процессе обращения к национальным и общекультурным ценностям. В образном строе лирики была актуализирована диахроническая память, своего рода мифологические коды, которые становились глубинным пластом содержания художественных форм.

А. Н. Веселовский, соотнося «предание» и индивидуальное творчество, размышлял об особенностях такого рода процесса в лекции по истории всеобщей литературы: «...не ограничено ли поэтическое творчество известными опреде-

ленными формулами, устойчивыми мотивами, которые одно поколение приняло от предыдущего, а это от третьего, которых первообразы мы неизбежно встретим в эпической старине и далее, на степени мифа, в конкретных определениях первобытного слова? Каждая новая поэтическая эпоха не работает ли над исстари завещанными образами, обязательно возвращаясь в их границах, позволяя себе лишь новые комбинации старых и только наполнив их тем новым пониманием жизни, которое собственно и составляет ее прогресс перед прошлым» [Веселовский, с. 40]. Такое отчетливое соединение архаического мифа и поэтики наблюдаем в целом ряде текстов военно-патриотической лирики, посвященной Отечественной войне.

Универсальные инварианты, на основе которых создавалась поэтическая мифология военных событий 1812 г., восходят к классической мифологии, к библейской символике, к русской фольклорно-мифологической традиции, к поэтической мифологии оссианизма.

Величие и драматизм событий Отечественной войны рождали особый ракурс их художественного осмысления, в котором появлялся пласт архетипического содержания и символики. Мифологизирование было основано на прямых и скрытых параллелях с архаикой и на актуализации общенациональных культурных концептов, укорененных в религии, в древней литературе и фольклоре. Вхождение мифа в тексты могло быть прямым, а могло осуществляться через посредничество фольклора и литературы прошлых эпох, уже художественно освоившей миф в мифопоэтической форме.

Несколько таких мифологических кодов представлено в лирике, посвященной самому драматическому моменту начального периода войны — пожару Москвы. Образ сгоревшей столицы был создан в русле разных эстетических систем, с которыми было связано творчество авторов. Из большого корпуса текстов мы остановимся на нескольких стихотворениях с отчетливо проявленным присутствием мифа в мотивной структуре и символике.

Одним из таких можно считать стихотворение В. В. Капниста «Видение плачущего над Москвою россиянина, 1812 года октября 28 дня», созданное в 1812 г. Стихотворение не было опубликовано при жизни автора, но сохранился отзыв о нем Г. Р. Державина, который писал, что «...картина, Гермогена изображающая, жива и величественна; упреки за беззакония справедливы, и обетования милосердия, когда исправимся, утешительны». Поэт заметил, что современники находили в стихотворении «сатиру» и «хулы на Бога» [цит. по: Капнист, с. 569].

Мифопоэтика текста Капниста сформирована на основе ситуации пророческого или, следуя фольклорной типологии, «религиозного» сна [Панченко, с. 12]. Лирическому герою, получившему известие о «покрытой пеплом Москве», явилось видение «развалин пустого града». Использованная форма чудесного явления в погибшем безлюдном городе старца в первосвященнической ризе, творящего суд, отчетливо ориентирована на параллель с Апокалипсисом в истолковании событий московского пожара. Картина поверженных храмов, жилищ, гибели людей укрупнена введением многочисленных ветхозаветных аллюзий. Вид разрушенной и обезлюдившей столицы отсылает к образам

библейских городов — Вавилона, Содомы и Гоморры, которые погибали, потому что становились вопиющим воплощением греха. Возникающая параллель с московской жизнью усиливала присущее автору «Ябеды» сатирическое обличение неправедных судов, безверия, растряпанности души сребролюбивым, укрепившихся в городе, за что и послано наказание.

Композиционно «Видение» не повторяет целостную картину Страшного суда, более того, герой ропщет на Бога за слишком «строгий жребий». Но, узнавая в «привидении» погибшего в 1612 г. в разгар польско-шведской интервенции патриарха Гермогена и слыша его грозные упреки за погибельное «падение алтарей священных», за то, что «в граде сем развраты коренились», лирический герой постигает высший смысл бедствий столицы, принимая их как наказание Господнее и как посланное испытание («...Карает Бог Москву чужим бичом...»). Новое «дивное виденье», в котором предстал победитель — «витязь с блистающим мечом», вдохновляет его на обращение к своим современникам:

Теперь несчастьем наученны,
Отвергнем иноземный яд..
Отечество ждет нашей дани..
Взнесем верхи церквей сожженных,
Да алтарей опустошенных
С весной не порастит трава;
Пожаров след да истребится,
И, аки феникс, возродится
Из пепла своего Москва.

[Капнист, с. 245]

В логике развития авторской оценки бедствий московского пожара соединились изначальные духовно-нравственные христианские постулаты, утверждающие борьбу со злом, необходимость возвысить «град небесный» над «градом земным», и исторический опыт героики на примере подвига князя Пожарского и народной рати, спасших столицу.

Библейские аллюзии, наставительный тон речей старца с обилием церковнославянизмов придают созданному «видению» монументальность, подкрепленную патетическим финалом.

В своеобразной диалогической связи с «Видением плачущего над Москвою россиянина...» В. В. Капниста находятся «песни» Ф. Н. Глинки, написанные как призывные гимны, которые содержали непосредственные отклики на события войны. Среди них есть «Песнь русского воина при виде горящей Москвы» (между 1812—1816, публ. 1818), в которой увиденный «град погибший», замолкший «как могила» рождает у поэта призыв к молитве и мщению. Теофания, символом которой в христианской традиции всегда выступает свет (Ин. 8 : 12; 9 : 5), поэтизируется в «Песне» как чудесное явление в момент общей молитвы:

А мы, друзья, к Творцу молитвы:
«О, дай, Всесильный, нам, Творец,
Чтоб дивной сей народов битвы
Венчали славою конец!»

Вещал — и очи всех подъяты,
С оружием длани к небесам:
Блеск молний пробежал трикраты
По ясным саблям и штыкам!

[Глинка Ф., с. 16—17]

Библейские аллюзии и символы не были только литературным приемом, за которым, как у Капниста, могло стоять суровое осуждение многих сторон московской жизни. Библейский контекст вносил в восприятие пожара Москвы мотивный комплекс наказания и покаяния, по-особому дополняя военную героику.

Устойчиво используемые библейские аллюзии напоминают об особой святости древней столицы, которая с первых веков своей истории сближалась с центрами христианского мира, становилась преемницей и оплотом православия.

Это отношение к Москве существовало в идеологических оценках, сохранялось в бытовом обращении и входило в национальную мифологию войны 1812 г.

Так, в 1813 г. К. Н. Батюшков в частном письме Е. Г. Пушкиной пишет: «Всякий день сожалею о Нижнем, а более всего о Москве... да отсохнет десна моя, если я тебя, о Иерусалиме, забуду! Но в Москве ничего не осталось, кроме развалин» [Батюшков, 1881, с. 219—220].

Долго длились споры о том, кто зажег Москву в момент вступления в нее французов. Примечательна в них позиция С. Н. Глинки, который, в силу своего положения, знал многое о пожаре и его виновниках. В его «Записках о 1812 годе» соединяется глубоко личностное отношение и вполне идеологизированная оценка пожара: «при Наполеоне Москва была отдана на произвол Провидения. В ней не было ни начальства, ни подчиненных. Но над нею и в ней ходил Суд Божий. Тут нет ни русских, ни французов: тут огонь небесный» [Глинка С., с. 423].

В мифологизации московских событий свою роль играла и массовая беллетризованная литература. А. Я. Булгаков, московский почт-директор, приводит в своем сочинении эпизод допроса французами подмосковных крестьян, которые не хотят повиноваться новой власти. Один старик отвечал через переводчика, принимая Даву за императора: «Ваше Высочество, с тех пор как Россия стала известна свету, мы никогда не признавали других царей, кроме православных, и наша русская вера обязывает нас хранить верность и присягу к законному Государю до последней капли крови... Конечно, мы прогневили Бога — Он послал нам такое наказание...» [Булгаков, с. 44—45].

В рассказе И. И. Лажечникова «Новобранец 1812 года (из моих памятных записок)» (публ. 1858) пожар вписывается в храмовое действие скорбящих людей. Для них он предстал как икона на полотнище. «В первый вечер, следовавший за печальной вестью, в северной стороне от нашей деревни разостлалось по небу багровое зарево: то горел город и всем нам казалось, что горит наше родное пепелище. Несколько дней сряду, каждый вечер, Москва развертывала для нас эту огненную хоругвь (разрядка наша. — Л. Х.). При

свете ее сельские жители собирались толпою перед господским домом или перед церковью и молились, вздыхали о потерянном Сионе. Тяжким свинцом пало уныние на душу нашу, казалось, все ждали последнего часа. Проплакав несколько дней над пеплом Москвы, стали, однако ж, думать о спасении своем» [Лажечников].

Библейская символика в восприятии пожара Москвы была органична для восприятия этого трагического события, потому что авторов и читателей сближала христианская духовно-нравственная культура, православная вера. В возникновении национальной мифологии войны 1812 г. этим было освящено единение всего народа, восприятие событий перед лицом вечных ценностей и готовность положить жизнь за отечество.

Другой мифологический код, с которым в русской лирике традиционно связаны героические мотивы войны, восходит к античной мифологии и литературе. Ю. М. Лотман пишет об «античном» осмыслении Отечественной войны ее участниками, отмечает непременною «театрализацию» целого ряда эпизодов в духе римской героики. К числу их принадлежит широко распространенная легендарная история о подвиге генерала Раевского, вместе с сыновьями бросившегося в атаку, которого, по выражению самого генерала, за это «сделали римлянином», не пожалевшим своих детей [Лотман, с. 643].

В. А. Кошелев отмечает, что характерной чертой «романтического» отношения к войне стала идея «жертвы» как особая идеологическая установка, причем она принималась лишь в «отстоявшейся античной, вненациональной форме “жертвенности” по примеру Муция Сцеволы, царя Леонида, трехсот спартанцев» [Кошелев, с. 144].

Узнаваемые античные мифопоэтические реминисценции появляются и в развитии мотива пожара Москвы. Пожалуй, одним из самых распространенных было сравнение его с пожаром Трои, который тогда вспоминался скорее не по археологическим раскопкам Шлимана, а по «Энеиде» Вергилия, которая была укоренена в русской культуре со времен первых латинских грамматик. К этому следует добавить перевод поэмы, выполненный Е. И. Костровым, троянские сюжеты в балладах В. А. Жуковского: «Кассандра» (1808) — перевод из гомеровского цикла Ф. Шиллера, оригинальная баллада «Ахилл» (1812). Примечательно, что троянские ассоциации в восприятии пожара Москвы возникали как в русских, так и во французских описаниях.

Французский офицер пишет, что «пылавший город напоминал пожары, истребившие часть Константинополя и Смирны; но этот раз зрелище было величественнее; это было самое потрясающее зрелище. <...> Я никогда не забуду четвертую ночь по вступлении нашем в город, когда император был вынужден покинуть Москву и искать убежище в Петровском дворце. ...Пламя пожара освещало дорогу на расстоянии более двух верст от города; подъезжая к Москве, я увидел целое море огня, и так как ветер был очень сильный, то пламя волновалось, как разъяренное. Я рад был добраться до моей мельницы, откуда я наслаждался всю ночь этим единственным в своем роде, зловещим, но вместе с тем величественным зрелищем. Пожар Смоленска был величественнее: глядя на высокие стены и толстые башни, по которым с яростью взвивалось пламя,

я представлял себе Троию в роковую ночь, так высокохудожественно описанную Вергилием. Пожар Москвы, обнимавший собою гораздо большее пространство, был менее поэтичен» [Дедем].

Одним из известных и непосредственных поэтических откликов на зрелище сожженной Москвы было послание К. Н. Батюшкова «К Д<ашко>ву» (публ. 1813). Поэт видел страдания беженцев из разоренного города, когда ехал в Нижний Новгород в сентябре 1812 г., потом, по возвращении, в 1812–1813 гг. он трижды посещал разрушенный город. И. З. Серман отметил переключки «многих образов и целых фраз» из послания с «Письмами из Москвы в Нижний Новгород» И. М. Муравьева, с которыми поэт, вероятно, познакомился еще в рукописи [цит. по: Батюшков, 1977, с. 545].

В. А. Кошелев считает послание Батюшкова «ярчайшим и сильнейшим из многочисленных лирических произведений Отечественной войны 1812 года», потому что призыв к защите отечества был «основан на правде и естественности... Батюшков... не отступает от жизненных реалий: он действительно “трикраты” был в опустошенной французами Москве, он действительно готовился вот-вот уйти в армию и воевать с врагом вместе с израненным героем — генералом Бахметьевым... Ему действительно оказываются чужды былые “венки” и анакреонтические “музы и хариты”» [Кошелев, с. 158–159].

Но, учитывая эти оценки произведения, отметим, что центральный мотив дружеского послания — потеря счастливой буколки, необходимость «изострить железный меч и стрелы», принять «роковую разлуку» с как неотвратимый жребий судьбы, мелькает в Тибулловых элегиях (1809–1814). В ряду ассоциаций возникает и более конкретный классический текст, с которым переключается послание «К Д<ашко>ву». Это «Энеида» Вергилия, которая была много лет в круге интересов поэта [см.: Федотова]. Об «Энеиде» напоминает первый фрагмент послания, в котором представлено бегство людей из охваченного гибельным пожаром города. К образу сгоревшей Трои отсылает также описание разрушенной Москвы. Как и Эней, автор послания охватывает взглядом всю панораму поверженного города — развалины величавых башен, оставленные святые могилы. Мотив разрушения повторен в резком переходе цветовой гаммы: от «златоглавой Москвы» с «храмами и садами» остались «угли, прах и камней горы». Это зрелище пожара побуждает его к выбору героической судьбы.

Перед началом своего нового пути Эней, как и поэт батюшковского послания, видит с высоты холма погибший город, и это решает его выбор — «спасти род троянцев»:

...В прахе простерлась, дымясь, Нептунова гордая Троя,
Нас же в изгнанье искать свободных земель побуждали
В знаменьях боги не раз, — корабли мы начали строить...

[Вергилий, с. 179]

Позднее троянский мотив в связи с Отечественной войной подхватывает А. С. Пушкин в последней «лицейской годовщине» 1836 г., переосмысливая его. Возвращение из Заграничных походов армии, во главе которой был сам Александр I, напоминает прибытие греков с Троянской войны:

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!..

[Пушкин, с. 468]

Античный код в формировании поэтической мифологии войны 1812 г. соответствовал другому важнейшему движению русской культуры данной эпохи, поскольку это был язык европейского диалога.

Разрабатывая проблемы взаимодействия искусства и жизни, Ю. М. Лотман отмечал, что «самоописание» культуры в разных семиотических системах становится не только фактом самопознания, но и активным регулятором, вторгающимся в строй культуры и повышающим степень ее упорядоченности», с другой стороны, в культуре как живом организме, «возможность выбора на различных уровнях, пересечение различных типов организации и свободная игра между ними входят в минимум необходимых механизмов культуры» [Лотман, с. 645]. Входящие в художественный строй русской поэзии, посвященной войне 1812 г., библейский и классический мифологические коды раскрывали общественное самосознание в его обращении к национальному прошлому и к европейской культурной традиции перед лицом вечных истин.

Батюшков К. Н. Сочинения : в 3 т. Т. 3. СПб., 1881. [Batyushkov K. N. Sochineniya : v 3 t. T. 3. SPb., 1881].

Батюшков К. Н. Опыты в стихах и в прозе / изд. подгот. И. М. Семенко. М., 1977. [Batyushkov K. N. Opyty v stikhakh i v proze / izd. podgot. I. M. Semenko. M., 1977].

Булгаков А. Я. Русские и Наполеон Бонапарте, или Рассмотрение поведения нынешнего обладателя Франции с Тильзитского мира по изгнание его из древней Российской Столицы с присовокуплением многих любопытных анекдотов и плана Москвы, в коем означены сгоревшие и оставшиеся в целости части города. Писано Московским жителем 1813 года. М., 1813. [Bulgakov A. Ya. Russkie i Napoleon Bonoparte, ili Rassmotrenie povedeniya nyneshnego obladatelya Frantsii s Til'zitskogo mira po izgnanie ego iz drevnej Rossijskoj Stolitsy s prisovokupleniem mnogikh lyubopytnykh anekdotov i plana Moskvyy, v koem oznacheny sgorevshie i ostavshiesya v tselosti chasti goroda. Pisano Moskovskim zhitelem 1813 goda. M., 1813].

Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида : пер. с лат. М., 1979. [Vergilij. Bukoliki. Georgiki. Eneida : per. s lat. M., 1979].

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989. [Veselovskij A. N. Istoricheskaya poetika. M., 1989].

Глинка С. Н. Из «Записок о 1812 году» // 1812 год в русской поэзии и в воспоминаниях современников / сост. Н. Н. Аكوпова, В. В. Бережков. М., 1987. [Glinka S. N. Iz «Zapisok o 1812 gode» // 1812 god v russkoj poezii i v vospominaniyakh sovremennikov / sost. N. N. Akopova, V. V. Berezkhov. M., 1987].

Глинка Ф. Н. Сочинения / сост., послесл. и коммент. В. И. Карпеца. М., 1986. [Glinka F. N. Sochineniya / sost., poslesl. i komment. V. I. Karpetsa. M., 1986].

Дедем де Гельдер А. Из записок // Русская старина. 1900. Т. 103. URL: www.museum.ru/1812/index/html. [Dedem de Gel'der A. Iz zapisok // Russkaya starina. 1900. T. 103. URL: www.museum.ru/1812/index/html].

Капнист В. В. Избранные произведения / подгот. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер. Л., 1973. [Karnist V. V. Izbrannye proizvedeniya / podgot. teksta i primech. G. V. Ermakovoj-Bitner. L., 1973].

Кошелев В. А. К. Н. Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987. [Koshelev V. A. K. N. Batyushkov. Stranstviya i strasti. M., 1987].

Лажечников И. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1958. URL: [http:// lib.next-one.ru/cgi-bin/iso/Hist/Lazhechnikov/novobr.tht](http://lib.next-one.ru/cgi-bin/iso/Hist/Lazhechnikov/novobr.tht). [Lazhechnikov I. I. Polnoe sobranie sochinenii. T. 1. M., 1958. URL: [http:// lib.next-one.ru/cgi-bin/iso/Hist/Lazhechnikov/novobr.tht](http://lib.next-one.ru/cgi-bin/iso/Hist/Lazhechnikov/novobr.tht)].

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. Л., 1979. [Lermontov M. YU. Sobranie sochinenij : v 4 t. T. 1. L., 1979].

Лотман М. Ю. Об искусстве. СПб., 1998. [Lotman M. YU. Ob iskusstve. SPb., 1998].

Народные лирические песни / изд. подгот. В. Я. Пропп. Л., 1961. [Narodnye liricheskie pesni / izd. podgot. V. Ya. Propp. L., 1961].

Наполнова Г. В. «Бородино» М. Ю. Лермонтова // Русская речь. 1976. № 3. [Napol'nova G. V. «Borodino» M. Yu. Lermontova // Russkaya rech'. 1976. N 3].

Неклюдов С. Ю. Время и пространство в былинне // Славянский фольклор. М., 1972. [Neklyudov S. Yu. Vremya i prostranstvo v byline // Slavyanskij fol'klor. M., 1972].

Панченко А. А. Сон и сновидение в традиционных религиозных практиках // Сны и видения в народной культуре. М., 2002. [Panchenko A. A. Son i snovidenie v traditsionnykh religioznykh praktikakh // Sny i videniya v narodnoj kul'ture. M., 2002].

Потявина Н. В. О полифункциональности солдатских песен // Полифункциональность фольклора. Новосибирск, 1983. [Potyavina N. V. O polifunksional'nosti soldatskikh pesen // Polifunk-tsional'nost' fol'klora. Novosibirsk, 1983].

Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. И. Бонди, В. В. Виноградова. Т. 2 М., 1959. [Pushkin A. S. Sobranie sochinenij : v 10 t. / pod obsch. red. D. D. Vlagogo, S. I. Bondi, V. V. Vinogradova. T. 2 M., 1959].

Рабинович Е. Г. Земля // Мифы народов мира. М., 1980. С. 467. [Rabinovich E. G. Zemlya // Mify narodov mira. M., 1980. S. 467].

Русские исторические песни / изд. подгот. Л. И. Емельяновым Л., 1987. [Russkie istoricheskie pesni / izd. podgot. L. I. Emel'yanovym L., 1987].

Федотова С. Б. Вергилий // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18/19. СПб., 2004. [Fedotova S. B. Vergilij // Pushkin: Issledovaniya i materialy. T. 18/19. SPb., 2004].

Фоменко И. Ю. Бородинское сражение в русской поэзии. Первые отклики. URL: www.borodino.ru/download.php?file_id. [Fomenko I. YU. Borodinskoe srazhenie v russkoj poezii. Pervye otkli-ki. URL: www.borodino.ru/download.php?file_id].

Статья поступила в редакцию 15.11.2012 г.